

Энакин хотел, чтобы возвращение Асоки не было омрачено инцидентом с Ауррой Синг. Или, по крайней мере, что все закончилось не так неловко. Когда они вместе сражались с ней, прыгая по крышам в погоне, это было похоже на старые времена. Он осмелился признать, что это было приятно. Они всегда были отличной командой, и более десяти лет разлуки не изменили этого. Также было приятно знать, что даже после стольких лет спокойной гражданской жизни он все еще может делать то, что нужно.

К счастью, хотя все закончилось тем, что Асока не одобрила его действия, она приняла это. Он был уверен, что Асока понимает невозможную ситуацию, которую Синг создала для себя, для него. Она возражала только из-за необходимости поддерживать идеалы джедаев, которым ее учили с детства. Слипс все еще был слишком большим джедаем, несмотря на то, что ушел из ордена более десяти лет назад. Убийство безоружного заключенного было строго против кодекса. Когда-то он тоже испытывал противоречивые чувства по этому поводу, когда убил Дуку у ног Палпатина.

С того поворотного момента он сделал гораздо хуже, и почему-то он не мог заставить себя сожалеть о Синге.

'Не темная сторона', - подумал он, - 'мотивировала его. Он не прикасался к этой силе уже много лет и не думал, что сейчас упал на обочину. Это не было убийство, совершенное ради страсти или власти, она не была невинной, и он не ненавидел себя за это. Он оцепенел при воспоминании о том, как ее голова подпрыгивала на полу его мастерской. Его некогда мирная, свободная от убийств рабочая комната.'

Он сделал то, что должен был сделать. Не больше и не меньше.

Тем не менее, несмотря на остатки, сохраненные для них, ни Энакин, ни Асока не обнаружили, что у них был большой аппетит. Падме продолжала бросать на них вопросительные взгляды, особенно когда они отказались от ужина. Оби-Ван также знал, что что-то случилось. Он не задавал никаких наводящих вопросов и даже не выглядел слегка любопытным, но Энакин мог сказать.

Оби-Ван, казалось, не удивился воссоединению с Асокой, что подтвердило подозрение Энакина, что он был в контакте с Йодой и сказал ему об их присутствии здесь. Ему это не нравилось. Он надеялся, что Оби-Ван бросил интриги и заговоры с Йодой за его спиной после всех этих лет. И кроме того, передачи между звездными системами могут быть перехвачены. Даже если их общение не было подслушано, прибытие Асоки сюда привело по крайней мере одного сомнительного персонажа слишком близко к его семье. Несмотря на то, что он сказал Асоке (честно), что рад ее видеть и счастлив, что она пришла, Энакин сделал мысленную заметку, чтобы выразить свое неудовольствие Оби-Вану.

Но не сейчас. Не тогда, когда Падме, Асока и близнецы собрались вокруг. Это был счастливый момент. Это было семейное время; и Асока вписывалась в картину так, как он не позволял себе думать раньше, когда даже мысль о том, что она жива, была слишком большой, чтобы надеяться на это. Хорошо, что она сейчас здесь.

Единственным пропавшим человеком была Шми. Она бы завершила круг. Он отогнал эту мысль. Всегда будет кто - то отсутствовать. В уголках его сознания всегда будут бродить призраки, напоминая о неудачах и потерях. Лучше было не предаваться этим мечтам.

Люк и Лея были очарованы Асокой, и она была только рада сидеть с ними на диване и слушать, как они соперничают за ее внимание. Энакин стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку, довольный тем, что Асока знакомится со своими настоящими детьми. Это было странно и в то же время идеально подходило. Отношения Мастера и Падавана были самым близким, что джедаи позволяли семье. Временами Асока была похожа на его ребенка, а иногда на раздражающую младшую сестру. Энакин взглянул на Оби-Вана, который был самым близким ему человеком, но который также был его братом.

Оби-Ван поймал его взгляд, и Энакин отвернулся.

Люк хотел знать все о том, откуда Асока прилетела и летала на космических кораблях, и была ли она в различных звездных системах, о которых он узнал в школе. Это был Люк. Его глаза всегда были устремлены в небо, а разум - в космический корабль. Энакин не мог винить его; он был таким же, как мальчик. Он смог рассказать Люку кое-что из своего прошлого, но не так много, как ему хотелось бы.

Лея была исключительно умной девочкой, и всякий раз, когда у ее родителей была компания, пока она была достаточно взрослой, чтобы немного побыть со взрослыми, она развлекала их, читая речь, стихотворение или эссе, которое она подготовила для школы. Лея, как и ее мать, любила спорить и произносить речи. Она, несомненно, была любимицей учителя; она регулярно возглавляла свой класс и теперь была президентом более чем одного клуба.

Энакин мог сказать, что Лее не терпелось встать и показать свои навыки, но он поймал ее взгляд и покачал головой. Сейчас не время для Леи демонстрировать, какой не по годам развитой она может быть.

Падме думала о том же, и она посмотрела на настенный хронометр, говоря: "Вам давно пора спать."

Близнецы, как обычно, протестовали, Лея указывала, что они слишком бодры, чтобы нормально заснуть, Люк кричал, что он только что спросил, какая Шили, и еще не слышал ответа. Энакин оттолкнулся от дверного косяка и сказал своим самым повелительным голосом: "Дети, тише. Завтра вам в школу. Идите."

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1436425>